

Лозинский Самуил Горациевич

**Социальные корни
антисемитизма в средние века и в
новое время**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С17

С17 **Самуил Горациевич Л.**
Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время / Лозинский Самуил
Горациевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 208 с.

ISBN 978-5-519-93778-8

ISBN 978-5-519-93778-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЕВРЕЕВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВИИ.

Евреи в средние века своею экономической деятельностью подрывали основы феодального строя, столь чуждого им во всех отношениях. Однако, эта разрушительная работа евреев носила бессознательный, стихийный характер, и на самом деле феодальный режим был нужен средневековому еврею, потому что феодал был главным его покупателем, а еврей был тогда почти единственным продавцом; еврей и феодал нуждались тогда друг в друге. Без еврея не у кого было бы феодалу раннего средневековья покупать, а без феодала еврей не имел бы покупателя. Эти два полюса не могли не поддерживать друг друга в экономическом отношении, и феодальный режим, несмотря на свою резкую духовную противоположность еврейству, не знал экономической юдофобии, социального антисемитизма.

Ведь феодальный мир без евреев опустился бы еще на более низкую ступень натурального хозяйства и не получал бы ни восточных пряностей, ни заморских прелестей, ни тех многочисленных ремесленных изделий, которыми снабжал, главным образом, еврей тогдашнюю отсталую земледельческую Западную Европу. Феодализм без евреев в значительной степени шел бы назад, а не вперед, и здоровый инстинкт экономического прогресса рассеивал обольстительные и слащавые призывы церкви: во имя любви к человеку уничтожить часть человечества. От бури религиозного фанатизма евреи нередко искали убежища в феодальных замках, как бы благодаривших евреев за те дорогие ковры, которые покрывали их стены, за те цветные вазы, которые украшали их окна и ниши, и за ту мебель и утварь, которые вносили некоторый уют в огромные помещения сеньоров. Разбойничьи берлоги, каковыми по существу обычно являлись средневековые рыцарские замки, нередко превращались в минуты страшных гонений на евреев в безопасные, верные приюты для тех, которых так ожесточенно преследовали церковный фанатизм и человеконенавистническое изуверство. Еврей, прячущийся в средневековом, феодальном замке, — поистине реальная жизнь фантастичнее самой богатой фантазии!

В глазах феодала еврей был олицетворением торговца, привозившего ему все те предметы, которыми не могли снабжать его ни сидевший на его земле крепостной, ни ближайший крестьянин из свободной или полусвободной сельской общины. Еврей настолько сливался в представлении раннего средневековья с торговцем, что под словом «купец» (mercator) подразумевался всегда именно еврей, и

многочисленные документы того времени не делают вообще различия между евреем и купцом. Мало того, для них всякий житель города, всякий горожанин есть лицо, не занимающееся земледельческим, крестьянским трудом, а потому являющееся евреем, который в свою очередь отождествляется с торговцем. Про старинный саксонский город Мерзебург документ X века говорит, что этой местности придавали характер города живущие здесь евреи, — без них Мерзебург не был бы городом. Точно также, когда епископ Рюдигер желал превратить свой Шпейер на Рейне в «настоящий» город, он призвал в Шпейер евреев и тем самым «в тысячу раз» увеличил значение этой местности. В противоположность деревне, город в раннем средневековьи рисовался центром торговой деятельности, носителями которой являлись преимущественно евреи, и власти постоянно упоминают о городах, населенных «евреями и прочими торговцами». Городские грамоты, предоставляющие особые привилегии горожанам, нередко ставят на первом месте евреев, охраняя и их, наравне с прочими купцами. Когда германский император Оттон Великий, основавший в X веке город Магдебург, предоставил судебную власть в нем еврею св. Морица, то говорил о евреях, живших в Магдебурге, как о «главнейшем элементе» вновь основанного города, и указывал на необходимость принимать во внимание интересы этого торгового населения. Сын императора Оттона подтвердил эту привилегию и в специальной грамоте упомянул о купцах города, при чем евреи фигурировали в грамоте на первом месте. Несколько позже, в XI веке, германские императоры, благодаря жителей Вормса за обнаруженную ими верность императору в тяжелые годы борьбы императорской власти с папой, подчеркивают, что под жителями города Вормса они разумеют в первую очередь «евреев и прочих купцов»; за преданность императорским интересам Генрих IV в 1074 г. освободил евреев от уплаты пошлины в императорских таможнях. Подобно всяким купцам, евреи являются странниками, ходоками, пришедшими из дальних стран со своими товарами, нередко таскавшими их на своих спинах либо верхом на лошади.

Документы часто называют этих странствующих купцов пыленожками, заслуживающими особой защиты, и «Земский Мир» требует особого внимания к тем, которые, в силу своего постоянного перемещения с места на место, не могут находиться под покровительством одного какого-либо сеньора, а должны рассчитывать на помощь лишь императора или короля. Евреи, как странники (*itineratores*), являются поэтому королевскими людьми а не сеньеральными, феодальными. А известно, что нанесший оскорбление королевскому человеку платит более высокий штраф, чем обидевший обычного сеньерального подзащитного.

В таком же смысле говорится о евреях Баварии в IX в., о евреях города Наумбурга, снабжающих его солью в X в., о пражских, кельнских, майнцских и мейсенских евреях. Путешественник X века Ибрагим ибн Якуб сообщает, что в Праге было много евреев-купцов, а летописец Козьма Пражский, живший в XI веке, говоря о разных купцах, проживавших в Праге, перечисляет одних только евреев по имени и называет их виднейшими и богатейшими. В X веке в Кельне была еврейская община, имевшая во главе «еврейского епископа», избиравшегося на год и решавшего, между прочим, гражданские дела между евреями и христианами. Евреи занимались в Кельне различными видами торговли, особенно шерстью, кожей, мехами и драгоценностями. В еврейских источниках начала XI века Кельн на-

зывается «красивым городом», который давал «средства к существованию нашим братьям, рассеянными по всем концам». Во время ярмарок в Кельн стекалось много евреев не только из западной Германии, но и из других частей ее, и под председательством своего «епископа» евреи обсуждали здесь дела, касавшиеся всех германских евреев. Оратором обычно выступал сам «епископ», и к его голосу «с крайним благоговением прислушивались все, стар и млад».

Если еврейская торговля, как мы видели, приняла значительные размеры в IX—XI веках в Германии, то в пределах бывшей Римской империи, начиная с Рейна и направляясь к западу, евреи играли роль торговых посредников уже в VI—VII веках, при чем их деятельность делала все большие и большие успехи вплоть до конца XII в., а в некоторых местах до середины XIII века. Еврейские общины были в Авиньоне, Арле, Марсели, Нарбонне, Ниме, Безье, Монпелье и в других частях современной Франции. Так, в бургундском законодательном сборнике под 516 г. упоминается о евреях и говорится о их особых религиозных обрядах. По словам историка Деппинга, в VI в. во всей Бургундии, включавшей тогда часть Савойи и Швейцарии, можно было встречать евреев, в значительном числе там, где находились торговые центры, обычно расположенные по рекам и более или менее оживленным дорогам.

Роль бургундских евреев в торговле французский писатель Пинья характеризует следующим образом. «Торговые суда, принадлежащие евреям из Безье, Монпелье, Марселя, Агда и Нарбонны, забирали в итальянских портах товары, высылаемые из Востока еврейскими купцами, организованными в особые торговые общества. Эти товары продавались затем в центре Франции еврейскими купцами из Лиона, Макона, Дижона и других городов». В южном Марселе евреи являлись главными посредниками в торговле с Малой Азией, Сирией, Палестиной, Египтом и многочисленными островами, расположенными в восточной части Средиземного моря, и папа Григорий I Великий уже в 591 г. упрекает марсельского епископа за то, что он стремится обращать евреев в христианство путем насилий, — а не добрым словом и убеждением. Эти упреки Григорий Великий высказал в сравнительно резкой форме, оставаясь и впредь верным своему отрицательному отношению к насилиям, как об этом свидетельствуют его знаменитые «Письма».

Рекомендуя путь мирной проповеди, как единственно целесообразный в деле обращения евреев в христианство, Григорий I вскрывает перед нами и истинную причину своей веротерпимости: католическая церковь должна дать решительный отпор продвигавшимся по Италии лангобардам, исповедывавшим арианскую ересь, и в такую минуту опасно вызывать вражду евреев против католиков, которым одновременно придется бороться на два фронта. Впрочем, папа заботился не столько о католицизме, сколько о созданном им с большим трудом своем патримониальном государстве, дававшем папе огромные средства и могуществом, без сомнения, сильно пострадать в случае победы лангобардов. Папа был настолько заинтересован в спасении своего патримония, что отправил целое войско на помощь императорскому наместнику и предпринял целый ряд политических шагов, направленных к спасению светского государства папы. Тот факт, что Григорий упрекал марсельского епископа за его отношение к евреям, свидетельствует в достаточной степени о том, какую значительную роль играли евреи в тогдашней южной Европе, раз папа римский боялся в минуту опасности вызвать с их стороны лишнее раздраже-

ние против католицизма.¹ Ведь не следует забывать, что в теологических трудах Григория проявлено чрезвычайное отвращение к еврейской религии, и нередко подчеркивается необходимость обезвреживания этих врагов Христовой веры, так что попытка еврейского историка, профессора Грецца, нарисовать образ отличавшегося широкой веротерпимостью «величайшего папы» должна быть признана чрезвычайно наивной: Грецц, несмотря на свои выдающиеся заслуги в области еврейской истории, принадлежал к тем нетребовательным либералам, которые приходят в умиление, если могущественный христианский властелин воздерживается от физических насилий над евреями, ограничиваясь лишь словесной проповедью вражды и ненависти.

О еврейских купцах, проживавших в Италии в средневековье до начала XII века, имеются сведения, определенно свидетельствующие о том, что еврейские итальянские общины были многочисленнее и богаче даже южнофранцузских, где число евреев, даже в Нарбонне, Монпелье и Авиньоне, не превышало пяти-шести сотен человек. Крайне благоприятное географическое положение Италии в смысле развития торговли с Левантом манило евреев в Италию; и в Генуе, Милане, Брешии, Равенне, Болонии, Неаполе и во многих других местах Италии возникли еврейские общины уже в VI—V веках. В сенатских указах X века говорится о евреях Венеции, а согласно переписи 1152 г. в Венеции было 1.300 евреев, — число, по мнению Галличчиоли, несколько преувеличенное. По его словам, лишь с момента завоевания венецианцами острова Эвбеи евреи в очень значительном количестве появились в Венеции, завязав большие коммерческие сношения между Венецией и Левантом. Эвбейские евреи стали селиться не в самой Венеции, а на соседнем острове Спиналунга, получившем название Еврейского острова. Об итальянских евреях-торговцах часто упоминает в своих знаменитых «Письмах» папа Григорий I, останавливаясь всего больше на их торговых сношениях с городами южной Франции. Он говорит также о евреях, как о работоторговцах, и настаивает на том, чтобы евреям не разрешалось владеть христианскими рабами, и чтобы последние в трехмесячный срок перепродавались христианам. Он требует издания закона о запрещении евреям иметь христианских рабов и берет последних, в случае их бегства, под защиту церкви: последняя без всякого выкупа освобождает принадлежавшего еврею раба, чего она не делает по отношению к рабам, хозяевами которых являются христиане. Бежавший от них раб и скрывающийся в церкви должен быть водворен на прежнее жительство и предоставлен всецело на усмотрение своего господина.

Еще значительнее была роль евреев-торговцев в Испании, в особенности в царствование мусульманской династии Омейядов с 756 г. до 1031 года. В Кордове евреи тогда вели обширную торговлю шелковыми изделиями и другими товарами. О другом крупном испанском центре, о городе Гранаде, еврейский летописец того времени пишет: «Кто не видел великолепия евреев Гранады, их благосостояния и их славы, тот никогда не узнает, что такое настоящая слава». И в испанской столице Толедо евреи играли выдающуюся роль, в особенности в торговле, ассимилировавшись с арабами в языке и многих обычаях. Характерно, что переписка евреев велась на арабском языке и в общинной жизни евреев разговорным языком у них всегда был арабский язык. Когда во второй половине XI века Толедо было завоевано христианами, евреи были объявлены уравненными в правах с христианским населением, и король Альфонс VI, как и его бли-

жайшие преемники, неоднократно констатировали огромное значение евреев для экономического процветания Кастилии. Арабская Испания нуждалась в большом количестве рабов, и евреи, наравне с арабами, покупали рабов преимущественно в Восточной Европе, в частности в славянских землях. С того времени, как в Западной Европе раб (servus) превратился в serf, т.е. в прикрепленного к земле крепостного, без которой его нельзя было продавать, торговля рабами — одна из очень важных статей обмена с западно-арабским миром — сосредоточивается, главным образом, в Чехии и Киевской Руси. Ни великие киевские князья, ни церковь не принимали никаких мер борьбы против торговли невольниками, в которой было заинтересовано все торговое население Киева, и в первую очередь, князь, его дружина и духовенство. В царствование Владимира работоторговля не уменьшалась, а впоследствии страшно развилась, превратившись из статьи заграничного вывоза в статью внутренней торговли, в настоящий институт рабства¹⁾. Постановление киевского митрополита Иоанна II (1077—1089) о том, чтобы считать купцов, продающих христианских невольников евреям, мытарям и поганым, не имело практического значения, так как с момента превращения работоторговли в предмет внутренней торговли, роль евреев в качестве работоторговцев стала совершенно ничтожной, и на первый план выдвинулись, в качестве торговцев живым товаром, высшие слои Киевской Руси.

Итак, в раннем средневековии, примерно до середины эпохи Крестовых походов, евреи исполняли в Европе определенную экономическую функцию: они были торговыми посредниками между Западом и Востоком, а также внутри пределов Европы снабжали одни части ее одними предметами, другие части — другими. Однако, заметить, что недостаточное экономическое расслоение раннефеодального общества не знало резкого различия между купцом и ремесленником: и тот, и другой разносили или развозили товары и тот, и другой, в противоположность огромному большинству населения, не жили земледельческим трудом, а таким трудом, который средневековые обозначало, как труд человеческих рук, и в этом смысле были ремесленниками. По существу они чаще всего были странствующими менялами, обменивавшими либо произведения своих рук, либо полученные ими издавна готовые изделия на те предметы, которые находились в изобилии у людей, которых они снабжали привезенными, «иностранными», заморскими, дикийскими предметами. Если в деятельности этих странствующих купцов-продавцов подчеркивались их личное искусство в работе, ловкость и умелость их рук, то их зачастую называли ремесленниками (рукоесленниками, handwerker, manouvriers, handicraftsman), либо артистами (artifex, artisan); если же имелась в виду их обменная деятельность, то им присваивали название купцов (chouffman), — слово, которое по своему происхождению связано с латинским словом сауро: так назывались в Риме сопровождавшие римские легионы в варварские страны купцы, обменивавшие

¹⁾ Взгляд на славянские земли, как на страны, где предложение живого товара в широких размерах является будничным явлением, оставил свой след в слове Кенаан (Ханаан) для обозначения славянских земель. Известно ведь, что под «ханаан» евреи разумели и купца, и раба. — Сам Владимир был крупнейшим работоторговцем. Летопись говорит под 980 г. о нем: «и наложниц у него 300 в Вышнемороде, 200 на Берестовом в сельци... и бе не сыт блуда, приводя к себе мужские жены и девицы растля». Историк русской церкви, академик Е. Е. Голубинский (ум. 1912 г.), пишет в связи с этим: «Князь был первым купцом и наложниц в этом смысле бывало, вероятно, у него не по 800, а по 1000. Продажные невольницы, которых он имел всегда много, прямо превращались в наложниц».

опьяняющие напитки на разные полезные предметы; если же, наконец, отмечалось, что деятельность купцов-продавцов сопряжена с хождением, они получали кличку ходоков, странников (*marchands* — от *marcher* ходить, *pedes pulverosi* — пыльные ножки).

Обычно не делалось различия между отдельными сторонами одной и той же деятельности: купец и ремесленник были тождественными понятиями. *Eisenhoufman* был кузнец и торговец железом, как *stahlhoufman* был литейщик и торговец литейными изделиями. И как, в самом деле, назвать купцом того ткача, который сам изготовил несколько кусков материи и, навьючив ими своего ослика, отправляется в феодальный замок, монастырь, церковь или город для продажи своего товара? Почему стекольщик или гончар, используя свое умение и благоприятные местные условия, при продаже им же сделанных предметов не служит больше названием купца, чем ремесленника? И само собою понятно, что при отсутствии экономической дифференциации в обществе, когда ремесленники были и купцами, а купцы и ремесленниками, под словами «торговцы» и «продавцы» часто разумелись такие ремесленники, которые продавали свои изделия, доставленные ими иногда из очень отдаленных местностей. Неудивительно поэтому, что в рубрику купцов-евреев зачастую попадали лица, которые, с нашей точки зрения, должны быть названы ремесленниками. Многочисленные ювелиры, красильщики, сукноделы, ткачи, шелкоделы, шорники, ножовщики и другие упоминаются в документах о евреях и, тем не менее, они фигурируют чаще в качестве купцов, нежели ремесленников. Известно, однако, что среди итальянских евреев были распространены красильный промысел и производство шелка; во многих местах Сицилии евреи в области красильного дела занимали почти монопольное положение; а производство шелка в Италии непосредственно связано с поселением евреев в Сицилии при короле Роджере (в XII веке), выписавшем из Византии много еврейских ремесленников, специально знакомых с шелковым делом. Очень характерно для распространения красильного производства среди евреев существование особого налога под названием *tincta judaeorum* (еврейская красильная подать). В южной Франции среди ювелиров было очень значительное число евреев, что подало повод некоторым исследователям, враждебно относившимся к евреям, называть ювелирное дело — еврейским. В Кастилии было много евреев, занимавшихся золотым и серебряным мастерством; в других местах Пиринейского полуострова в их руках было в значительной степени суконное и шерстяное дело; в Сарагосе населенные евреями улицы носили названия по ремеслам, которыми занимались преимущественно в этих улицах: были улицы сапожников, сыромятников, дубильщиков, шорников, ножовщиков, ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров и т. д.

В противоположность торговле и ремеслу, земледелие было почти чуждо раннесредневековому еврейству, что очевидно стояло в непосредственной связи с запрещением евреям владеть землей. Такого рода запрет, собственно говоря, никогда не был издан, но с переходом германцев в католичество, с быстрой ассимиляцией римлян и германцев и с вытеснением норм римского права, считавшего евреев римскими гражданами, евреи все больше и больше попадали в категорию людей, правоограничения которых, по мнению известного германского ученого Бруннера, не могли не выразиться в приравнивании их к «чужим» и к созданию особого положения о чужих (*Fremdenrecht*).

Это положение, судя по ряду документов, отзывалось, в первую очередь, на праве владения евреями землей, вероятно, под сильным влиянием католической церкви, требовавшей со времени собора в Махоне от 581 года обязательного церковного налога, получившего вскоре название десятины. Так как по смыслу своему десятина могла взиматься лишь с католиков, в особенности с того времени, когда к вещной десятине прибавилась и личная, и ее взимание с евреев противоречило самым основам этого налога, то церковь стала настаивать на запрещении евреям владеть землей, — предметом, обладание которым «приличествует одним лишь христианам». Особенно усердную пропаганду в деле лишения евреев права владеть землею обнаружили в VIII веке св. Бонифаций, прозванный апостолом Германии, и папа Стефан III, положивший начало светской власти пап.

Церковь была особенно заинтересована в этой пропаганде потому, что нередко еврейской землей наделялись епископства и монастыри. Так, французский король Карл III Простой подарил в 899, 914 и 922 годах архиепископству и нарбоннским церквям земельные участки, виноградики, дома и мельницы, которые принадлежали евреям и с которых они некогда платили десятину. По словам историка Деппинга, французские короли прибегали к изгнанию евреев из той или иной области со специальной целью конфисковать их земли и наделить ими католическую церковь. Последняя, впрочем, нередко подчеркивала невозможность допущения евреев к такому землевладению, которое ставило бы христианина в зависимое от еврея положение.

Исходя из этого, церковь осуждала ленное право в отношении евреев и, разумеется, совершенно свободное землевладение. Несколько церкви следует приписывать инициативу в деле лишения евреев права владения землей, можно заключить из того факта, что на Пиренейском полуострове, в эпоху господства арабов в Испании, еврейское землевладение было распространенным явлением, при чем документы говорят в одинаковой мере как о мелком землевладении, так и о крупном. При мусульманских правителях, утверждает историк Шиппер, евреи беспрепятственно владели сотни лет поместьями, за которые они должны были платить лишь земельный налог, известный под именем харадж. Так как по учению корана всякая земельная собственность принадлежала богу или его наместнику на земле — халифу, — то евреи могли приобретать право на земельную собственность только путем налоговых договоров, которые они заключали с владыкою правоверных. «И нужно думать, — говорит упомянутый Шиппер, — что поместья, которые мы находим в южной Франции в качестве наследственной собственности некоторых евреев, были приобретены последними еще при владычестве арабов, с изгнанием которых из южной Франции не сразу исчезла еврейская земельная собственность».

Однако, вопрос о еврейском землевладении как здесь, на юге Франции, так и в других местах, напр., в Сицилии и некоторых частях Апеннинского полуострова, возбуждает ряд недоумений, на которые трудно дать определенный ответ. Так, во многих документах говорится о «terra Hebraeorum» (еврейская земля), но имеем ли мы здесь дело с обычным землевладением, или со специфическим явлением, сказать нельзя, ибо «еврейская земля» почему-то неотчуждаема, и нигде не указаны настоящие владельцы этой «еврейской земли». Мало того, во многих местах южной Франции и даже Испании подчеркивается, что евреи ни в коем случае не имеют права отчуждать

свою землю, и весьма возможно, что мы имеем здесь дело не с частной землей, — а с общинной землей, отведенной для каких-либо религиозных или иных потребностей и вовсе евреями не обрабатываемой. Разумеется были исключения и, помимо коллективной «еврейской земли», мы встречаем отдельных еврейских землевладельцев; но не известно ни число их, ни происхождение их землевладения, и возникает вопрос: не явилось ли это владение землей в результате задолженности, передачи евреям земельных участков христианских неплатных должников?

Сопоставляя все эти данные, легко убедиться, что евреи в средние века занимались, главным образом, торговлей, отчасти ремеслом и очень мало земледелием. Предавались ли евреи в первую половину средневековья денежным операциям, ссудной деятельности, ростовщичеству?

Поскольку Западная Европа тогда переживала полосу натурального хозяйства, не знающего почти обмена и редко прибегавшего к денежным сделкам, ростовщичество евреев, даже при наличии у них денежных средств и при их преимущественно торговой деятельности, не могло принимать широких размеров. Евреи не потому в первую половину средних веков не занимались ростовщичеством, что вели торговлю и предавались ремеслу, а потому, что к ним редко кто обращался за денежными ссудами. Земледельческая страна знает натуральное ростовщичество, а не денежное, и евреи, обладатели по преимуществу движимого капитала, должны были играть гораздо более пассивную роль при ссудах, нежели крупные землевладельцы, снабжавшие крестьян или, вернее, сельские общины семенами, скотом, сельскохозяйственным инвентарем и т. п. Но и в эти годы евреи предавались кредитным операциям, имея своих клиентов преимущественно среди представителей знати и высшего духовенства, которые нуждались в редких и более ценных предметах, привозившихся евреями, а также в их деньгах и для покупки заморских предметов, и для проведения в жизнь своих воинственных, рыцарских и иных начинаний. Так, во Франции сильные бароны и видные капитулы рано закладывали свои земли евреям. Еврей Саламин из Дижона был крупнейшим кредитором аббатств в Сен-Бени и Сен-Санс. Владелец города Монпелье взял у еврея Беннета до 50 тыс. су. В Италии постоянная борьба пап и дворянства и непрерывные у них денежные затруднения благоприятствовали появлению богатых еврейских банкиров, которым ссуды под недвижимость открывали доступ к управлению имениями. Известен пример банкира Баруха Пьерлеони, который в XI веке приобрел колоссальное состояние и затем перешел в христианство. Деньги («царица денег» — *Regina pecuniae*) дали ему возможность породниться с римской знатю, и дети Баруха принимали живое участие в происходившей среди аристократии борьбе за папский престол. Правнук Баруха Пьерлеони стал в 1130 г. римским папою под именем Анаклета II. Его восьмилетний понтификат (папство) был полон церковных смут и дразн; одновременно с «жидовским папою» Анаклетом II был избран в папы меньшинством кардиналов Иннокентий II, живший во Франции и опиравшийся на тех, которые не могли простить Анаклету II его еврейского происхождения.

Особенно горячим противником Анаклета, отличавшегося честностью и веротерпимостью, был знаменитый святой Бернард, основатель известного монастыря Клерво во Франции. Бернард был свирепым, иступленным врагом всякой ереси и требовал «убивать

еретиков и не допускать, чтобы меч висел над головою праведных»: в его глазах избрание в папы лица еврейского происхождения было «позором», который должен быть, во что бы то ни стало, смыт — даже самой дорогой ценой. Он звал на помощь мирской меч, говоря, что церкви принадлежат «оба меча»: и духовный, и мирской. «Один вынимается из ножен за церковь, другой — церковью; один — священнической, другой — воинскою рукой, но, конечно, по мановению святителя и приказу императора».

Аристократическая и церковная клиентура еврейских ростовщиков в годы натурального хозяйства не могла быть особенно обширна; кроме того, евреи не были монопольны в этой области, и многочисленные жалобы, раздававшиеся на церковных соборах и синодах, начиная с IX века, на ростовщическую деятельность высших представителей церкви и на богатейшие монастыри явно свидетельствовали о том, что с евреями соперничало — и очень успешно — духовенство, умело обходя постановления соборов о запрещении «ростовщического преступления». Эти соборные жалобы находят свое подтверждение в словах известного раввина Раши (род. в 1040 г.), высказавшего свое авторитетное мнение по поводу недоразумения между евреем должником и христианином кредитором. Такие же указания мы находим и у другого еврейского ученого, известного под почетным титулом Рабан. Однако, простота экономической жизни раннего средневековья не позволяла провести резкой границы между торговыми и ссудными операциями: каждый, в особенности крупный, торговец товарами время от времени отдавал деньги в рост, и, наоборот, у каждого крупного торговца деньгами немало скоплялось товаров, хотя бы в качестве заложенных вещей, побуждавших его заниматься и чисто торговой деятельностью. Это положение верно не только по отношению к евреям, но и по отношению к так называемым ломбардам (христиане-ростовщики, преимущественно из Ломбардии), о которых так же ошибочно утверждать, что они занимались исключительно денежными операциями, их обогащавшим. Эти пресловутые ростовщики зачастую были крупными купцами, и нередко банкирская контора выросла из оборотов, имевших, главным образом, торговый характер.

Но торговцы, ремесленники, ростовщики, евреи раннего средневековья охватывали своею деятельностью лишь верхи общества: огромная крестьянская масса, жившая в условиях натурального хозяйства, оставалась вне сферы еврейских — и торгово-ремесленных, и денежных интересов, и еврей, в качестве социально-экономического фактора, не существовал для тогдашней народной массы. С евреем прикасался, с евреем вступал в сношения и еврей знал, собственно говоря, лишь феодал, рыцарь, светского или духовного звания, с достаточно развитыми потребностями в «дикийннм» товаре и имевший средства и возможность приобретать и оплачивать подобного рода предметы. Эта верхушка средневекового общества видела в еврею почти единственного поставщика редких и ей лишь одной нужных предметов, и естественно, что отношение ее к евреям было скорее благожелательное, нежели враждебное. — Еврей исполнял не только полезную, но необходимую для высшего феодального общества экономическую функцию, и сеньер-епископ Каутин, по словам Григория Турского, автора ряда житий святых и известной «Истории франков», относился к евреям даже крайне благосклонно, при чем Григорий Турский указал и мотив такого отношения к ним: дело не в желании спасти их душу, как это надлежало бы заботливому па-

стырю, а в страсти епископа Каутина приобрести драгоценные товары у еврейских купцов. Эта страсть заполучить товары была так велика в бестоварные годы раннего средневековья, что даже женские монастыри широко раскрывали пред еврейским купцом свои железные двери, и собор 581 г. в Маконе запретил евреям беседовать с монахинями наедине под предлогом деловых переговоров и оставаться при монастырях продолжительное время в качестве доверенных лиц.

Рядом с товарным голодом дворяне в первой половине средневековья испытывали и большой денежный голод в связи с непрерывными войнами, который они старались утолить с помощью еврейских ссуд, что им казалось тем выгоднее, что для светских вельмож, собственно говоря, не существовало обязательства платить: они могли нарушать свое слово совершенно безнаказанно. Известен, например, случай с евреем Арментарием, описанный Григорием Турским. Арментарий явился в Тур в сопровождении слуги еврея и двух христиан за получением долга с местного викария и с графа Евномия; денег Арментарий не получил, но был убит людьми графа и викария, при чем на теле его не было найдено ни денег, ни долговой расписки. Если этот случай и был исключителен, то жалобы евреев папе римскому на отказ духовных лиц платить по своим обязательствам свидетельствовали, как трудно было тогдашнему еврейскому кредитору заставить влиятельного должника быть аккуратным плательщиком. Впрочем, в связи с Крестовыми походами, был изобретен прекрасный способ «легально» освободиться от всяких долгов по отношению к евреям: отправляющийся в поход рыцарь, по требованию римской курии, был освобожден от всяких денежных обязательств, в особенности по отношению к «неверным», которые «не могли идти в дальний путь на освобождение гроба господня». Таким образом, с помощью еврейских ссуд удовлетворялся денежный голод без особенной боли для тех, которым приходилось прибегать к еврейским ростовщикам.

Все это в достаточной мере объясняет, почему раннее средневековье не знало экономического, социального антисемитизма. Широкие народные массы не были еще вовлечены в орбиту обменного, денежного хозяйства и почти не приходили в прикосновение с стихийным разрушителем феодального, безобменного строя. Естественно, они не могли, за отсутствием всякого представления о евреях, ни питать к нему особые чувства симпатии, ни ненавидеть его какой-либо ненавистью. Средневековый крестьянин, — а он составлял огромное большинство тогдашнего общества, — не слышал бы о существовании еврея, если бы о нем ему не напоминала церковь. Для высших же слоев феодального общества еврей зачастую был желанным, в экономическом смысле, гостем, удовлетворявшим те их потребности, которые не в состоянии был покрывать незамысловатый крепостной труд, и рыцарь нередко с распростертыми объятиями встречал странствующего купца, был ли он грек, сириец или еврей; если у рыцаря не было денег, чтобы целиком оплатить все товары, и он попадал в ростовщические пугы, то он либо отдавал кредитору часть своего недвижимого имущества, либо — что еще чаще — объявлял себя «принципиальным» банкротом, считаящим для себя унижением платить долги «иностранному» кредитору.

Особой вражде к такому кредитору не было естественно места, и мы не можем, за отсутствием исторических данных и необходимых экономических условий, согласиться с распространенным мнением об изначальности и вечности антисемитизма, делающего его «проклятой